

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 11

**Санкт-Петербург
2012**

А.Б. Шарнина

Эллинское единство и общегреческие празднества

Несмотря на политическую и географическую раздробленность эллины в историческое время воспринимали себя единым народом. Об этом говорит Геродот устами афинян, которые ответили спартанским послам, что им не позволяет предать Элладу и перейти на сторону персов: «Наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни» (VIII, 144). Говоря об общих святилищах, афиняне, скорее всего, имели в виду Олимпию, Дельфы, а также святилища на Истме и в Немее. Четыре знаменитых панэллинских праздника, которые проводились там, были символом и формой единства эллинов, важнейшим институтом межполисных связей. Исократ в речи «Панегирик» с восхищением говорил об этом обычае эллинов: «Справедливо хвалят основателей всенародных празднеств за переданный нам обычай – заключать перемирие и, прекратив возникшие раздоры, собираться в одном и том же месте; после совместных обетов и жертвоприношений, мы вспоминаем о родстве, существующем между нами, и сохраняем на будущее более дружественные чувства, укрепляя старые и создавая новые связи взаимного гостеприимства» (4, 43; пер. К.М. Колобовой).

У этих праздников было много общих черт. Игры в полисах и общегреческих святилищах были дополнением к религиозным обрядам и посвящались обычно богам – хозяевам святилищ, где проходили игры. В отличие от состязаний, которые проводились и на других праздниках в общинах, наградой победителям вместо ценных призов были венки¹. К состязаниям допускались эллины со всех концов греческого мира. И самое главное, на время проведения праздника устанавливалось перемирие², столь желанное среди бесконечных войн, потрясавших Элладу. В отличие от обычных полисных обрядов, проводившихся ежегодно, эти игры устраивались с периодичностью в 4 или 2 года.

Раньше всех стал общегреческим праздник в Олимпии. Олимпийские игры, по преданию, возникли в 776 г. до н.э., а по мнению ряда археологов – в

---

¹ *Kyle D.G. Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes // Worshiping Athena. Panathenaia and Parthenon / Ed. J. Neils. Madison, 1996. P. 107.*

² *Glottz G. La cite grecque. Paris, 1928. P. 310.*

конце VIII в. до н.э.³ Три других праздника стали общеэллинскими в начале VI в. до н.э. Таким образом, временной разрыв между ними составляет минимум сто лет. Очевидно, что условия, в которых они стали общеэллинскими, были уже иными.

Сами культы, которые легли в основу четырех панэллинских игр, уходили корнями, вероятно, в микенскую эпоху. Однако религиозные праздники с различными состязаниями и венками для победителей, появились гораздо позже. Мифологические предания о происхождении обрядов в этих святилищах, основал ли их Геракл, или Эномай, или кто-то ещё, так же как истоки обычая жертвоприношений и состязаний в первобытные времена, в данной статье не рассматриваются. Речь будет идти только о том, что известно об этих праздниках из источников, к сожалению, очень скудных, с «темных веков» до начала VI в. до н.э.

Религиозные праздники разного уровня – местные, региональные, общегреческие – были важнейшей формой общественной жизни древних эллинов. Это явление было уникально для древнего мира, но не как праздники сами по себе. Религиозные обряды различного характера были, естественно, у всех народов. Уникальность эллинов в том, что они готовы были преодолевать большие расстояния, подвергаться риску только для того, чтобы посетить святилища иной раз очень далеких от них полисов и посмотреть или поучаствовать в обрядах, которые там проводились.

У Гомера ещё нет примеров, чтобы герои отправлялись в далекие земли только для того, чтобы посетить какое-нибудь святилище, да и святилища как особые места для культа почти не упоминаются. Отважные мужи гомеровской эпохи пускаются в долгий путь или для участия в военном походе, или с целью грабежа (впрочем, часто это одно и то же). Исключением является сын Одиссея Телемах, покинувший родной дом ради поисков отца, и сам Одиссей, вынужденный странствовать по воле богов.

В поэмах Гомера, где представлен греческий мир на пороге новой эпохи – эпохи становления классического полиса – нет упоминания и о панэллинских играх. Тем не менее, там есть важные сведения об обычаях, которые сыграли, вероятно, большую роль в появлении этих игр.

Важнейшим из них в гомеровском обществе был обычай гостеприимства (*ξενία*), который Г. Герман назвал ритуальной дружбой⁴. Эта «ритуаль-

---

³ Kyle D.G. Gifts and Glory. P. 111.

⁴ О ритуальном гостеприимстве – ксении см.: Finley M.I. The World of Odysseus. NY, 1954. P. 114-124; Gauthier Ph. Notes sur l'étranger et l'hospitalité en Grèce et a Rome // Ancient Society. Vol. 4. 1973. P. 1-21; Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987.

ная дружба» отличается от других связей между людьми тем, что она заключается между людьми, живущими в разных общинах, и предполагает обмен благами и услугами между ними без каких-либо выгод, только лишь на основе моральных обязательств⁵. Ксены (ξένοι) должны были помогать не только друг другу, но и детям и близким своих друзей⁶.

В «темный» период греческой истории путешествия были трудными и опасными. В селениях чужака встречали иногда настороженно, а иногда и враждебно. В «Одиссее» Афина предупреждает Одиссея, прибывшего в царство феаков, чтобы он не смотрел на встречаемых людей и не задавал им вопросов: «Очень не любят у нас иноземных людей» (VII, 31-33)⁷. Местные жители также боялись пришельцев, как и они их. Данай в трагедии Эсхила «Умоляющие» с тревогой говорит о приближающихся царях Аргоса: «Но мирен ли приход их, иль чудовищной свирепостью чреват он и неистовством?» (192). Циклоп Полифем недоверчиво расспрашивая Одиссея и его спутников, кто они такие, попутно делит всех плавающих по морям на тех, кто едет по делам, и тех, кто блуждает в море без цели, «как поступают обычно разбойники, рыская всюду, / жизнью играя своею и беды неся чужеземцам» (Od. IX, 253-255). В этом опасном мире путешественник нуждался в тех, кто мог его защитить вдали от родины, а также предоставить «стол и дом».

Наряду с враждебностью к чужакам у эллинов уже с давних пор существовало и противоположное отношение к ним: сочувствие, стремление оказать помощь и гостеприимство. Возмущенный Менелай в ответ на предложение слуги Етеонея отослать Телемаха и его спутников в другой дом, восклицает: «Мало ль радушья найти нам пришлось у людей чужеземных / Раньше, чем в дом мы вернулись?» (Od. IV, 33-34).

На страже законов гостеприимства стоит Зевс Ксений (покровитель гостей). Обычай гостеприимства для героев Гомера отличает цивилизованное, соблюдающее божественные установления, общество от диких, не признающих богов, людей⁸. Для царя Алкиноя люди делятся на диких и несправедливых и тех, кто гостеприимны и с «богобоязненным сердцем» (Od. VIII, 575-576). Одиссей очутившись на острове циклопов, размышляет, куда он попал, какие здесь живут люди, «надменные и дикие или гостеприимные?» (Od., IX, 174-175). К несчастью для Одиссея и его спутников, циклопы оказались «надменными и дикими». В ответ на рассуждения Одиссея о Зевсе – покровителе гостей и молящих, о том, что

⁵ Herman G. Ritualised Friendship... P. 10.

⁶ Herman G. Ritualised Friendship... P. 22.

⁷ Цитаты из «Илиады» даются в переводе Н.И. Гнедича, из «Одиссеи» в переводе В. В. Вересаева.

⁸ Gauthier Ph. Notes sur l'étranger et l'hospitalité... P. 5-6.

гости достойны почтения, нецивилизованный циклоп заявил: «Нам, циклопам, нет дела до Зевса эгидодержавного и до блаженных богов» (IX, 270-271, 275).

Нарушение правил гостеприимства считалось оскорблением Зевса Ксения и соответственно могло навлечь кару могущественного бога. «Ни один смертный, чужестранца, Полипаид, обманув / или умоляющего, бессмертных не убежал» – наставляет Кирида Феогнид (143-144). Пастух Эвмей говорит, что почитает Одиссея не за его, по мнению Евмея, лживый рассказ об Одиссее, но сожалея о нем «и Зевса страшась гостелюбца» (Od. XIV, 388-389). Одиссей в свою очередь, рассказывая Евмею вымышленную историю своих скитаний, сказал, что, когда он и его отряд, опустошавшие поля египтян, были обращены в бегство египетским войском, он бросился к ногам царя Египта и тот его увез в свой дом и защищал его, «трепеща перед гневом Кронида-Гостеприимца, который жестоко карает нечестье» (Od. XIV, 28-284). Менелай в пылу битвы с троянцами бросает им упреки в том, что они «не страшились гремящего Зевса; но гостеприимства / Он покровитель и некогда град ваш рассыплет высокий! / Вы у меня и младую жену и сокровища дома / Нагло похитив, ушли, угощенные дружески в доме!» (II. XIII, 623-627). Вслед за Гомером Эсхил в трагедии «Агамемнон» (60-62) утверждает, что могущественнейший Зевс Ксений послал сыновей Атрея Александру в отпущение за похищенную им жену. Ведь похищение Елены было нарушением законов гостеприимства, а Зевс «хранит гостинный устав» (Aeschyl. Agam. 350).

Заключение ритуальной дружбы сопровождается угощением гостя⁹. Когда Телемах и его спутники пришли в дом Менелая и были приглашены на пир, Менелай положил перед ними по лучшему куску мяса, отделив их «от почетной собственной доли» (Od. IV, 66-67). Пир, распределение еды были очень важным механизмом политического регулирования в древнем обществе. Возможность главы семейства устраивать пиры и угощать членов общины обеспечивала ему высокое положение в этом обществе и была подтверждением его места в общинной иерархии¹⁰. Когда приходил гость из другой общины, хозяин сам выделял ему еду от своей «почетной доли». Приобретение таких друзей, дружба с которыми была скреплена угощением и подарками, ещё больше увеличивало значение человека в своей общине, а также давало возможность распространить своей влияние за её пределы¹¹.

⁹ О важной роли пира, распределения еды в социально-политической жизни в раннем греческом обществе см. *Rundin J. A Politics of Eating: Feasting in Early Greek Society // The American Journal of Philology. Vol. 117. 1996. P. 179-215.*

¹⁰ *Rundin J. A Politics of Eating... P. 192.*

¹¹ *Tell H. Sages at the Games: Intellectual Displays and Dissemination of Wisdom in Ancient Greece // Classical Antiquity. Vol. 26. 2007. P. 267.*

Важной частью ритуала гостеприимства был обмен подарками¹². В рассказе о прибытии Одиссея во дворец Алкиноя подарки упоминаются как обычное явление: «С радостным духом потом унесешь на корабль ты подарок / Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память. / Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу» (Od. I, 311-313). Затем Алкиной, собрав старцев-басилеев, предлагает им всем предложить «по обычаю гостю подарки». Каждый из царей должен дать Одиссею плащ, хитон, по таланту золота (VIII, 388-393). После рассказов Одиссея о своих странствиях на пиру, все так восхитились, что Алкиной призвал дать ему еще по большому треножнику и котлу. И при этом добавил: «а себя наградим за убытки сбором с народа: столь щедро дарить одному не по силам» (XIII, 13-15).

Многие ценные вещи в поэмах попали к их владельцам в качестве подарка. Лук Одиссея был подарен ему Ифитом, который с ним встретился когда-то в Лакедемоне (Od. XXI, 11-14). Диомед радостно приветствовал Главка, узнав, что он потомок Беллерофонта, которого дед Диомеда «в собственном доме двадцать дней угощал дружелюбно» и они обменялись дарами, он вспоминает, что его дед Иней подарил Беллерофонту «блистающий пурпуром пояс; Беллерофонт же золотой подарил ему кубок двудонный» (II., VI, 215-220). Главк и Диомед в знак возобновления древней дружбы обмениваются оружием. «Главк! Обменяемся нашим оружием; пусть и другие / Знают, что дружбою мы со времен праотцовских гордимся» (II., VI, 230-231). При этом они не обращают внимания на стоимость предметов. Певец замечает, что у Главка Зевс отнял разум, так как он поменял свой дорогой золотой доспех на медный (II.VI, 234-236). Герои Гомера ценят призы за тот почет и славу, которые они дают человеку¹³. Подарки также закрепляют и подчеркивают социальные связи¹⁴. Они имеют скорее символический смысл: пурпурный пояс, золотой кубок, оружие. Так даритель подчеркивает с одной стороны свое высокое положение, а с другой – признание высокого статуса своего чужеземного друга.

Узы взаимного гостеприимства переходят по наследству. Телемах, обращаясь с просьбой к сыну Нестора, напоминает ему, что они «давно по дружбе отцовской старинной / Гости друг другу» (Od. XV, 195-196). Диомед обратился к Главку со словами: «Ты гость мне отеческий, стародавний (ξείνος πατρίως ἐσσι παλαιός)», и заявил, что отныне «тебе я среди Аргоса гость и приятель (ξείνος φίλος), ты же мне в Ликийи, если приду я к народам ликийским» (224-225).

Таким образом, благодаря обычаю гостеприимства в греческом мире складывалась обширная сеть богатых и влиятельных людей из разных общин,

¹² О подарках в жизни древних обществ см.: *Finley M.I. The World of Odysseus*. P. 111-113; *Kyle D.G. Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes*. P.106-108.

¹³ *Rundin J. A Politics of Eating...* P. 192.

¹⁴ *Donald G. Gifts and Glory*. P. 110.

иногда разделенных морями и горами, но связанных друг с другом дружбой и взаимными обязательствами. Договоры о дружбе заключались только между частными лицами. В поэмах Гомера не встречается упоминаний о подобных союзах между общинами.

Тесно связана с обычаем гостеприимства обязанность оказывать помощь умоляющим о защите (гикесия)¹⁵. Если чужеземец был не уверен в добром приеме, он садился к очагу, который был священным у эллинов. В этом случае он отдавал себя под защиту Зевса Гикесия, покровителя умоляющих о защите. Так поступил, например, Одиссей, придя в дом Алкиноя. Он, обняв колени жены Алкиноя Ареты, стал просить о том, чтобы они помогли ему вернуться домой. После этого «подошел к очагу он и сел там на пепел / Возле огня» (Od. VII, 142-154). И тогда старец Ехеней заявил, что «совсем неприлично, чтоб странник / В пепле сидел очага твоего перед нами» (Od. VII, 159-160). И как видно из слов старца, дальше процедура была такой же, как при обычае гостеприимства. Он предложил пригласить странника сесть в кресло, совершить всем вместе возлияние вином Зевсу, «который сопутствует всем, о защите молящим и дать Одиссею ужин (Od. VII, 162-166).

Это представление об очаге как «самом священном месте дома»¹⁶, запрет на любое насилие над тем, кто сел у очага, вероятно, сыграли свою роль в дальнейшем развитии представления о том, что убийство припавшего к алтарю является святотатством¹⁷. Между очагом и алтарем была тесная связь. И тот и другой служили для принесения жертв, т.е. выполняли религиозную функцию. Уже в «Одиссее» (XXII, 334-336) упоминается алтарь Зевса, который дает защиту. Певец Фемий, спасаясь от карающей руки Одиссея, думал, не укрыться ли ему за алтарем, посвященным Зевсу, «хранителю мест огражденных», который находился во дворе дома Одиссея. Примечательно, что, даже получив заверение Одиссея, что он их не тронет, певец и глашатай все-таки сели около алтаря во дворе дома, так как «все еще ждали убийства» (XXII, 379-380). Данай советует своим дочерям сесть «на холм, где древних чтут богов страны. Надежней башен – жертвенник, могучий щит» (Aeschyl. Supp. 200-202).

Неприкосновенность человека, припавшего к алтарю, впоследствии с появлением святилищ распространилась и на них, а затем легла в основу перемирия и неприкосновенности участников праздников и состязаний. Существование таких обычаев, как ксения и гикесия, позволило в будущем людям совершать паломничества к далеким святилищам с надеждой найти в чужих краях защиту, жилье и еду.

¹⁵ Gould J. Hiketeia // JHS. Vol. 93. 1973. P. 74-103.

¹⁶ Gould J. Hiketeia. P. 97.

¹⁷ Gould J. Hiketeia. P. 78.

Для чужеземного гостя радушные хозяева могли устраивать состязания, как это сделали феаки в честь Одиссея (Od., VIII, 100-195). Простодушный царь Алкиной прямо говорит о цели этих игр: «Чтоб чужестранец, домой воротившись к друзьям своим милым, / Мог рассказать им, насколько всех остальных превосходим мы в бое кулачном, в прыжках, в борьбе и стремительном беге» (Od., VIII, 101-103). Состязания – это один из способов определить лучшего среди элиты общины, и среди лидеров разных общин, средство пропаганды не только внутри общины, но и за её пределами.

Знатные семьи также устраивали состязания в память умерших родственников или друзей. Самые знаменитые из них – погребальные игры, устроенные Ахиллом в честь Патрокла, за победу в них Ахилл предлагал очень дорогие призы: пленниц, коней, мулов и волов, а также чаши, кубки, разнообразное оружие (Il. XXIII, 259-269; 560-562).

Особый интерес представляет упоминание Элиды в контексте состязаний у Гомера. Старец Нестор вспоминал, как в годы своей молодости отбил скот у элейцев, и его отец Нелей взял себе большое стадо элейцев, в возмещение долга. Когда-то он послал в священную Элиду четырех коней с колесницей участвовать в состязаниях, наградой в которых должен был быть треножник. Но правитель элейцев Авгеас отнял нагло коней. (Il. XI, 697-703). Здесь не говорится, что это были за игры. И хотя Элида названа «священной», поступок местного правителя не рассматривается как святотатственный, а как обычное, наглое ограбление. Старец Нелей «был оскорблен словами и делами», но не возмущен тем, что похититель коней оскорбил богов. Эти состязания были, очевидно, также частным делом какой-то семьи.

Состязания были повседневным времяпрепровождением аристократии, частью уклада жизни «лучших», «благородных» мужей. Женихи в доме Одиссея, между пирами бросали диски и копья на «плотно убитой площадке» (Od. XVII, 167-169).

«Лучшие» мужи, собравшись на пир, будь то в доме царя Алкиноя, или в доме Одиссея, любят также усладить себя, слушая певца. Сцена пира богов в «Илиаде» (I, 601-604) очевидно воспроизводит обычные пиры в доме знати, на которые приглашали певцов. На этом пиру сердца богов услаждал сам Аполлон, играя на лире, а Музы пели в лад с ним. Социальный статус певца был не высоким, но во всех сценах с певцами мы видим уважительное отношение к ним, окрашенное неким религиозным чувством. Однако говорить о сакральной функции певцов в гомеровском обществе трудно. Тем не менее, есть указания на осознание некоей божественности певцов. Постоянно говорится, что им боги вложили этот дар пения. Фемий, умоляя Одиссея пощадить его, говорит: «Я певец, и богам свои песни поющий и людям! Я самоучка; само божество насадило мне в сердце / Всякие

песни» (XXII, 346-348). Напоминание Фемия о том, что он поет не только людям, но и богам, очевидно, указывает на то, что певцы в это время играли важную роль при отправлении культов, хотя прямых свидетельств описания обряда с участием певцов в поэмах нет. В «Одиссее» (VIII, 43-45) царь феаков Алкиной приказывает позвать на пир певца Демодока, которому «бог дал сердце нам песней радовать». Поэт называет Демодока «божественным» (VIII, 47). Всякий раз, как в поэме появляется Демодок, поэт подчеркивает почтение, которым все его окружали: «Всем дорогого певца привел в это время глашатай, Чтимого целым народом слепца Демодока» (VIII, 471-472).

Несмотря на то, что у Алкиноя и в доме Пенелопы не шла речь о призах, однако это не исключает возможности награждения ценными дарами победителей при других обстоятельствах. Все-таки ситуации и там и там не совсем обычные.

Состязания женихов в доме Пенелопы и состязания в царстве Алкиноя не были связаны с ритуалами. Погребальные игры – уже часть ритуала, но и они устраивались не в святилище, не в честь богов и не общиной, а частными лицами. Таким образом, все состязания в поэмах были делом частных лиц, местной знати, а не общины. Даже, когда они проводятся правителем, как например, Алкиноем, это не общинный праздник, а событие, касающееся только царя и его приближенных.

В поэмах Гомера только в одном месте (Od. VI, 10) упоминаются храмы богам, которые возвел Навсифой, основатель города феаков. Общинные религиозные церемонии в поэмах встречаются чрезвычайно редко, как например, торжественная гекатомба богам, для которой жертвенный скот вели в рощу Аполлона (Od., XX, 276-278). Коллективные жертвоприношения, как правило, совершались на открытом воздухе, но не в особо отведенных для этого священных местах. Телемах и его спутники прибыли в Пилос, когда его жители совершали жертвоприношение Посейдону на берегу моря (Od., III, 5-7). Хотя, как показали раскопки в святилище Посейдона на Истме¹⁸, видимо, в это время уже были определенные места, в частности на вершинах гор, куда люди обычно приходили, чтобы совершать обряды и жертвоприношения.

Таким образом, в гомеровское время специальных обрядов в святилищах с состязаниями в физической ловкости, быстроте или силе, а также в пении и игре на музыкальных инструментах не было. Соревнования как часть религиозного обряда присутствовали только в погребальных ритуалах. В основном же состязания были одной из форм повседневной жизни аристократии, пиров, военных тренировок.

¹⁸ *Gebhard E. R. The Evolution of a Pan-Hellenic Sanctuary: From Archeology towards History at Isthmia // Greek Sanctuaries, New Approaches. 1993. P. 155.*

С VII в. до н.э. в источниках начинают уже упоминаться поездки в другие общины для участия в состязаниях. Самое раннее свидетельство мы находим у Гесиода. В поэме «Труды и дни» поэт говорит, что он никогда не плавал по широкому морю, и лишь однажды перебрался из Авлиды на остров Эвбею, чтобы участвовать в состязаниях, устроенных сыновьями Амфидаманта в память об этом правителе (650-660). Очевидно, это был погребальный обряд. На этих состязаниях наградами были ценные призы, однако, уже имевшие сакральный смысл. Сам Гесиод за исполнение гимна получил треножник, который посвятил Музам Геликонским. Так что говорить о какой-то материальной, практической ценности этого приза для поэта нельзя. Приз имеет явно символическое значение. Примечательно также, что в поминальных обрядах участвовали певцы, и их выступления проходили в форме состязания. Этот пример показывает, что к началу VII в. до н.э. соревнования, куда приглашались участники из других мест, уже вошли в обиход и, кроме того, проводились состязания не только в силе, беге и других качествах, необходимых воину, но и в музыке.

В начале архаического периода происходят существенные изменения. Главное новшество – соединение состязаний с религиозными ритуалами. Таким образом, игры приобретают сакральный характер и становятся частью полисных обрядов. Наиболее заметно и ярко это соединение состязаний и ритуалов произошло на общегреческих играх: Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских.

С большой степенью вероятности можно предположить, что обычаи гостеприимства и гикесии сыграли важную роль в формировании общеэллинских празднеств¹⁹, которые в какой-то степени можно рассматривать в начале их истории как собрания знати разных общин. На прямую связь обычая гостеприимства с панэллиническими играми указывает Исократ в приведенном выше отрывке из «Панегирика» (4, 43).

Не случайно важным символом общеэллинского статуса этих игр стали венки. Обмен подарками сопровождал заключение дружбы между знатью разных общин и был своего рода скрепляющим элементом этой дружбы, знаком единства аристократии всего греческого мира. Но подарки также были показателем могущества и влияния того или иного лидера. Их ценность была не столько в материальной стоимости, сколько в той славе и почете, которые они приносили. Переход от материальных наград к символическим призам на панэллинических играх был, вероятно, своего рода компромиссом между знатью разных общин, когда они собирались в общем центре. Ведь замена дорогих наград на быстро вянущие венки в панэллинических центрах обесценила аристократические призы и, как следствие, отняла у знати возможность демонстрировать свое могущество и главен-

---

¹⁹ *Tell H. Sages at the Games.* P. 271.

ствовать в собрании. Таким образом, венки стали своего рода гарантией нейтралитета на время игр, так как они сами – нейтральны, дипломатичны и экономичны²⁰. У Аристофана в «Богатстве» Бедность говорит, что Зевс беден, так как дарит на Олимпийских играх венки из оливы вместо золотых венков (583-587). В ранний период сельское святилище в Элиде было бедным. В процессе превращения Олимпии в межполисный центр знать Элиды, хотя и имела возможность давать дорогие награды, вероятно, опасалась конкуренции знати других общин и стремилась ограничить право своих друзей-аристократов назначать ценные призы и тем самым установить контроль над общеэллиническим святилищем. Так на место дарителя встал сам бог²¹, которому посвящался праздник, а игры становились частью религиозных обрядов. И венки подчеркивали этот священный статус, так как они были необходимым элементом практически всех ритуальных действий. Венки надевали жрецы, должностные лица, это делало их причастными к святыням и неприкосновенными. Теперь венки защищали участников состязаний от нападений и ограблений, подобных тому, что случилось с отцом Нестора в Элиде. Соединение игр с обрядами имело также большое значение для гарантий перемирия на время праздника.

Знаменитые в будущем общеэллинические праздники в поэмах Гомера не упоминаются. Дельфы называются только один раз (Od. I, 508), в «Списке кораблей» среди городов Фокиды встречается Пифон – древнее название этой местности (Il. II, 519), в «Одиссее» Пифон называется как место прорицания (Od. VIII, 79-82). Как уже говорилось, один раз рассказывается о каких-то состязаниях в Олимпии, но это явно не регулярные игры. Святилища в Немее и на Истме вообще не называются. Следовательно, превращение этих мест в общегреческие центры произошло после создания поэм Гомера²².

Обычай гостеприимства и образ жизни аристократии, с большой степенью вероятности, повлияли напрямую на возникновение Олимпийских игр.

---

²⁰ Kyle D.G. Gifts and Glory. P. 114.

²¹ Своеобразной метафорой такого развития обычая обмениваться подарками между лучшими является рассказ, приведенный у Диогена Лаэртского, о треножнике, который выловили рыбаки. Дельфийский оракул объявил, что он должен принадлежать мудрейшему. Семь мудрецов передавали треножник друг другу, пока он не оказался у Солона, который заявил, что самый мудрый – это Бог, и отослал этот дар в Дельфы (DL I, 28). Как считают исследователи, этот треножник можно рассматривать как награду в состязаниях в мудрости (*Tell H. Sages at the Games*. P. 258-259).

²² Однако существует мнение, что Гомер сознательно не упоминал такие новые для VIII в. до н.э. явления как Олимпийские игры или рост влияния Дельфийского оракула. См., например, *Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 10; *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н.э.). СПб., 2001. С.77.

По каким-то причинам эта местность была избрана аристократами разных общин для своих встреч. И результатом компромисса между ними могло стать появление первого общего религиозного центра в Олимпии.

Из всех преданий, относящихся к Олимпийским играм, если оставить легенды об основании самого культа²³, вызывает интерес сообщение об основании игр спартанским законодателем Ликургом и Ифитом. (Paus. V, 4-5; Plut. Lys. 23). Эта легенда сохранила, возможно, воспоминание об установлении игр в результате договора лидеров двух общин. Может быть, этот договор был связан с завершением войны между Спартой и Элидой или с заключением союза. В рассказе Плутарха (Lys. 23) говорится, что Ликург сначала «не сближался с Ифитом, не принимал участия в его планах». В сообщении Павсания (V, 4, 5-6) о том, что Ифит предложил совершить жертвоприношение Гераклу, враждебному элейцам, возможно, отразился факт заключения перемирия с потомками Геракла, т.е. Гераклидами (Ликургом). По Плутарху (Lys. 23) именно Ифит вместе с Ликуртом установил священное перемирие во время игр. Павсаний (V, 10, 10) видел, стоящую в храме Зевса статую Ифита, которого венчает Екехейрия («перемирие»). А в храме Геры хранился диск Ифита. На диске были «написаны статьи священного мира, который объявляют элейцы во время олимпийских игр» (Paus. V, 20, 1).

Однако, скорее всего, сначала даже после подписания перемирия между Ликуртом и Ифитом или другими какими-то лидерами, не было всеобщего признания игр. Для того чтобы Олимпия стала общегреческим центром, нужно было согласие всех общин. По утверждению Страбона, Олимпийские игры – создание этолян. Они «легко получили подтвержденное клятвой согласие всех на то, что Элея должна быть посвящена Зевсу и что всякий, напавший на эту страну с оружием, будет проклят. Поэтому основатели города элейцев оставили его без стен, а те, кто проходили с войском через самую страну, сдавали свое оружие и затем, покинув её, получали обратно» (VIII, 40).

Примечательно, что Олимпийские игры называли священными (ιερόν), как пишет Страбон (VIII, 30). Название, которое обычно применяется для общегреческих игр, на самом деле выглядит странным для Греции классического и эллинистического периода, так как в это время все состязания были частью религиозных обрядов, поэтому они все были священными. Название 4-х игр «священными», видимо, отражает ситуацию времени появления Олимпийских игр. В этом названии, как представляется, зафиксирован момент соединения состязаний с обрядами.

²³ О происхождении культа в Олимпии написано много работ. Но в рамках данной статьи не представляется возможным рассматривать их. Отметим только, что в основу Олимпийских игр, по мнению многих исследователей, лег культ Пелопса, в память которого проводили игры. См., например, *Papantoniou G. Religiosity as a main element in the ancient Olympic Games // Sport in Society. Vol. 11. 2008. P. 34.*

Очевидно, что в ранний период истории Олимпийских игр в них участвовала аристократия общин, обладавшая необходимыми для этого средствами.²⁴ И, скорее всего, участники были связаны между собой узами гостеприимства.

Игры становятся популярными в VII в. до н.э. Об этом косвенно говорят попытки захватить руководство ими. Известно, что тиран Аргоса Федон захватил в 668 г. до н.э. Олимпию и руководил играми (Strab. VIII, 3, 33). Предание о заговоре Килона также говорит о популярности Олимпийских игр в середине VII в. до н.э. (Her. V, 71; Thuc. I, 126). Олимпийские игры приобрели общеэллинический статус в обществе, недалеко ушедшем от гомеровского, в период становления полисов, тогда, когда рождалось «греческое чудо».

Остальные игры стали общеэллиническими, когда полисы в общих чертах уже сложились. Пифийские игры, предположительно, стали общеэллиническими в 586 (Paus. X, 7, 4-5) или 582 г. до н.э. (Syll.³ 275, I, 1-7)²⁵, Истмийские – в 582 г. до н.э.²⁶ (археологи датируют первый стадион на Истме началом VI в. до н.э.)²⁷, Немейские – в 573 г. до н.э.²⁸ Показательно, что игры появились с небольшим интервалом друг за другом.

Причины установления этих игр как панэллинических были уже иными, чем Олимпийских. Греция в начале VI в. до н.э., впрочем, как и позже, представляла совокупность общин разного уровня экономического развития. Преобладали бедные, слабо развитые общины. Но выделилось несколько центров, которые далеко обогнали другие полисы. Одним из лидеров экономического развития в это время был Коринф²⁹, ведущим религиозным центром стали Дельфы³⁰. Естественно, что общеэллинические игры были установлены именно в этих местах, куда стекались

²⁴ Hall J. M. "Culture" or "Cultures"? Hellenism in the Late Sixth Century // *The Cultures within Ancient Greek Culture. Contact, Conflict, Collaboration* / Ed. C. Dougherty and L. Kurke. Cambridge, 2003. P. 26.

²⁵ Шарнина А.Б. Пифийские игры в Дельфах // *ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия*. СПб., 1997. С. 67.

²⁶ Н.Дж.Л. Хаммонд датирует основание Истмийских игр 581/580 г. до н.э. см.: *Хаммонд Н.-Дж.-Л. Пелопоннес // Кембриджская история древнего мира. Том III, часть 3. Расширение греческого мира VIII-VI вв. до н.э. М., 2007. С. 417.*

²⁷ Gebhard E.R. *The Evolution of a Pan-Hellenic Sanctuary*. P. 157.

²⁸ Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений... С. 209.

²⁹ Хаммонд Н.-Дж.-Л. Пелопоннес. С. 398-401.

³⁰ Литература о Дельфах необозрима. Отметим только ряд работ, в которых рассматривается о становлении и деятельности Дельф как религиозного центра Эллады: Roux G. *Delphes. Son oracle et ses dieux*. Paris. 1976; Глускина Л.М. 1) Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 4. С. 213-221; 2) Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому // ВДИ. 1956. № 4. С. 13-24; 3) Дельфы как экономический центр древней Греции // Ученые записки ЛГПИ им. Покровского.

толпы людей. Может быть, как раз потому, что большая часть общин были слабыми, они также нуждались в существовании таких общих центров и общих праздников. Высказывалось предположение, что, в конечном счете, стали признанными общеэллинскими центрами святилища, располагавшиеся на территории полисов, не обладавших войском и не претендовавших на политическое лидерство в эллинском мире³¹. Действительно, ни в Олимпии, ни в Дельфах не было войска, оба центра жили в основном за счет святилищ и не пытались вести активную политику, по крайней мере, в прямой форме. Однако этого нельзя сказать о Коринфе, который контролировал святилище Посейдона и праздники на Истме.

Одна причина, общая для всех игр, очевидна – популярность Олимпийских игр. Но она повлияла главным образом на включение в программы празднеств различных атлетических состязаний. В начальной истории этих игр соединяются старые, аристократические и религиозные традиции и новые явления, вызванные изменениями в социально-экономических отношениях, политическом устройстве и межполисных связях. В становлении и популярности Пифийских и Истмийских игр немаловажную роль сыграло развитие ремесла и торговли.

Продолжателями аристократических традиций в проведении различных состязаний выступали в архаический период тираны. Тираны участвовали в состязаниях на общегреческих празднествах. Афинский тиран Писистрат был победителем Олимпийских игр в колесничном беге (Her. VI, 103), Ферон, тиран Акраганта, победил в 476 г. до н.э. в гонках колесниц в Олимпии (Pind. Ol. 2). Адресатами многих од Пиндара были тираны разных городов Эллады. Не зря в источниках именно коринфским тиранам приписывается установление Истмийских игр³². Гай Юлий Солин, латинский грамматик предположительно III в, утверждал, что Истмийские игры были основаны тираном Кипселом (VII, 14, 15).

Развитие торговли, когда ещё не сложились межполисные законы, шло под защитой религии. Торговцы нуждались в нейтральной территории, где они могли безопасно торговать под защитой богов. Дельфы были знаменитым святилищем, оракул Аполлона издавна привлекал толпы паломников. Святилище давало неприкосновенность всем, кто здесь оказывался. Это способствовало притоку сюда торговцев и капиталов³³. А общегреческое празднество привлекало ещё и участников состязаний, а также зрителей.

Коринф, расположенный около двух заливов, быстро развивался как важнейший центр ремесла и торговли. Место, легко доступное с суши и с моря,

Л., 1956. Т. 13. Исторический факультет. Вып. 2. С. 146-165; Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений.

³¹ Delcourt M. L'oracle de Delphes. Paris, 1955. P. 36.

³² Н.-Дж.-Л. Хаммонд утверждает, что Истмийские игры были учреждены после изгнания из Коринфа последнего тирана. См. Хаммонд Н.-Дж.-Л. Пелопоннес. С. 417.

³³ Глушкина Л.М. Дельфы как экономический центр древней Греции. С. 146-165.

было необычайно благоприятным для развития торговли и межполисных связей. Тираны Коринфа стремились упрочить свое положение в греческом мире, а кроме того, увеличить доходы города. Панэллинские игры, привлекавшие людей со всех концов эллинского мира, перемирие, объявлявшееся на это время, способствовали этому. Они превращали святилище и территорию вокруг него в огромную ярмарку. Святилище на Истме и праздник имели и политический аспект. Археологи находят в этом месте большое количество оружия и доспехов в качестве приношений, которые выставлялись вдоль дороги, ведущей к святилищу³⁴. Они должны были представить путешественникам превосходство коринфян в битвах. Это впечатление могло быть усилено демонстрацией богатства и власти коринфских правителей.

Сыграла определенную роль в истории игр и колонизация. Известно, что Коринф выводил много колоний. А Дельфы были самым прославленным оракулом, который играл активную роль в колонизации. Эти праздники стали одной из форм связей колонистов со своей родиной. Среди победителей всех четырех игр много эллинов из Италии и Сицилии³⁵.

Коринфским тиранам, вероятно, нелегко было добиться всеобщего признания своих игр. Противоречивое сообщение источников о вражде элейцев и коринфян говорит о конкуренции между двумя панэллинскими центрами. Плутарх в трактате «Почему пифия более не прорицает стихами» пишет, что жители Элиды не допускались к участию в этих играх за то, что они позавидовали коринфянам и не дали им поменять надпись на сокровищнице Коринфа в Олимпии – вместо имени коринфского тирана Кипсела начертать «коринфская». Пифия признала правоту коринфян. С тех пор не было ни одного состязания, где бы выступали элейцы (400е-ф).

Отличие Пифийских игр от трех других в том, что главное состязание, пение гимна в честь Аполлона – хозяина святилища, возникло непосредственно из обряда в Дельфах, а не было добавлено к нему. Другое дело, что под влиянием «моды» того времени к состязаниям кифаредов, а потом и других музыкантов были добавлены бег, скачки и т.п. Как уже говорилось, певцы выступали в домах аристократии ещё в гомеровское время. Так что истоки этого состязания находятся в собраниях и пирах знати. Пифийские игры были объявлены общеэллинскими амфиктионией – союзом 12 греческих племен³⁶.

Страбон пишет, что древнейшим праздником в Дельфах было состязание кифаредов, которые исполняли пеан в честь бога (X, 3, 10). Но после Крисейской войны амфиктионы установили конные скачки и атлетические состязания, наградой в которых был венок. Однако из сообщения Павсания следует, что в 591/90 г. до

³⁴ *Gebhard E. R.* The Evolution of a Pan-Hellenic Sanctuary. P. 154-177.

³⁵ *Whitley J.* The Archaeology of Ancient Greece. Cambridge University Press. 2001. P. 305.

³⁶ *Шарнина А.Б.* Пифийские игры в Дельфах. С. 65-67; Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений... С. 209-211.

н.э. амфиктионы устроили состязания, на которых наградами были ценные призы. Возможно, что эти игры были проведены на средства от захваченной добычи во время войны с Крисой. И только в 586 или в 582 г. до н.э., ценные награды были заменены венками и игры превратились в общезллинские. Название празднику, как утверждает Страбон, также было дано амфиктионами (IX, 10). Олимпийские, Немейские и Истмийские игры называются по местности, где проводились состязания. В эту традицию вполне вписывается и название Пифии или Пифийские игры, так как Дельфы имели другое название – Пифо (Пифон).

К сожалению, о Немейских играх известно мало. Они были посвящены Зевсу и проводились в долине реки Немей, где проходила дорога на Аргос и Коринф. Пиндар воспевает Тимодема Ахарнского, который «заложил основание побед своих на священных играх в многократно воспетой роще Зевса Немейского» (Nem. 2, 4-5; пер. М.Л. Гаспарова). Руководство играми сначала было у города Клеоны (Pind. Nem. 4, 17; 10, 42), а в 460 г. до н.э. перешло к Аргосу: «Аргивяне приносят жертву Зевсу, так же и в Немее и выбирают жреца Немейского Зевса и устраивают здесь состязания в беге для вооруженных мужчин во время празднования осенних немейских игр» (Paus. II, 15, 3).

Как и на других общезллинских играх, во время Немейских игр объявлялся «священный месяц» и перемирие. Пиндар, воспевая победителя Немейских игр Аристоклида Эгинского, призывает Музу: «В священный месяц Немей / Низойди на гостеприимный остров дорян – Эгину» (Nem. 3, 3-4).

Интересно, что три панэллинских празднества проводятся на Пелопоннесе, и только одно – в центральной Греции. Возможно, это отголосок «темных веков», когда именно общины Пелопоннеса, Аргос, Спарта, тот же Коринф были наиболее развитыми, а их аристократия была наиболее влиятельной. Игры на Пелопоннесе развились в первую очередь из аристократических традиций, а в Дельфах – из религиозных обычаев. В этой связи интересно, что реорганизация Панафиней, возможно, тоже произведенная под влиянием веяний времени, не привела к признанию этого праздника всеми эллинами. Вероятно, это объясняется ещё относительной слабостью Афин в это время. Они не стали таким центром притяжения людей из других общин, как Коринф или Дельфы. Возможно, они не смогли преодолеть и противодействие Коринфа, который вполне мог видеть в них своего конкурента. Но Писистрат, реорганизуя Панафиней, очевидно, ставил целью поднять значение Афин в межполисных отношениях.

Общегреческие праздники были и результатом, и средством объединения эллинов, разделенных географически и политически. Их возникновению способствовали аристократические традиции гостеприимства и увлечения знати различными состязаниями. Сложившаяся к началу архаического периода обширная сеть знатных людей из разных общин, связанных между собой узами дружбы, создавала основы эллинского единства. А общезллинские праздни-

ки, возникнув из собраний аристократии, с развитием полисных институтов стали объединять всех эллинов.

Список использованной литературы

- Андреев Ю.В.* Раннегреческий полис. Л., 1976.
- Глускина Л.М.* Дельфы в период Первой священной войны // ВДИ. 1951. № 4. С. 213-221.
- Глускина Л.М.* Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому // ВДИ. 1956. № 4. С. 13-24.
- Глускина Л.М.* Дельфы как экономический центр древней Греции // Ученые записки ЛГПИ им. Покровского. Л., 1956. Т. 13. Исторический факультет. Вып. 2. С. 146-165.
- Кулишова О.В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н.э. СПб., 2001.
- Хаммонд Н.-Дж.-Л.* Пелопоннес // Кембриджская история древнего мира. Том III, часть 3. Расширение греческого мира VIII-VI вв. до н.э. М., 2007. С. 382-428.
- Шарнина А.Б.* Пифийские игры в Дельфах // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия / Отв. ред. В.С. Дуров. СПб., 1997. С. 63-73.
- Delcourt M.* L'oracle de Delphes. Paris, 1955.
- Finley M.I.* The World of Odysseus. NY, 1954.
- Gauthier Ph.* Notes sur l'étranger et l'hospitalité en Grèce et à Rome // Ancient Society. Vol. 4. 1973. P. 1-21
- Gebhard E.R.* The Evolution of a Pan-Hellenic Sanctuary. From Archeology towards History at Isthmia // Greek Sanctuaries. New Approaches. NY, 1995. P. 154-177.
- Glötz G.* La cité grecque. Paris, 1928.
- Gould J.* Hiketeia // JHS. Vol. 93. 1973. P. 74-103.
- Hall J.M.* "Culture" or "Cultures"? Hellenism in the Late Sixth Century / The Cultures within Ancient Greek Culture. Contact, Conflict, Collaboration / Ed. C. Dougherty and L. Kurke. Cambridge, 2003. P. 23-34.
- Herman G.* Ritualised Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987
- Kyle D.G.* Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes // Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon / Ed. J. Neils. Madison, 1996. P. 106-136.
- Papantoniou G.* Religiosity as a main element in the ancient Olympic Games // Sport in Society. Vol. 11. 2008. P. 32-43.
- Rundin J.* A Politics of Eating: Feasting in Early Greek Society // The American Journal of Philology. Vol. 117. 1996. P. 179-215.
- Roux G.* Delphes. Son oracle et ses dieux. Paris. 1976
- Tell H.* Sages at the Games: Intellectual Displays and Dissemination of Wisdom in Ancient Greece // Classical Antiquity. Vol. 26. 2007. P. 249-275.
- Whitley J.* The Archaeology of Ancient Greece. Cambridge University Press. 2001.

